Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. В. Снигирев.
Борис Акунин и его игровой мир. СПб.: Алетейя, 2017. 178 с.

Конфликтно уже начало этой книги. В первой фразе деятельность ее героя называется творчеством, а во второй ставится вопрос, по какому ведомству надлежит прописывать эти занятия — массовой словесности или же литературы, в сниженно-ограничительных определениях не нуждающейся. Причем тут же заходит речь, постоянно акцентируемая и в дальнейшем, о «бесспорном коммерческом успехе автора», каковой (успех) не может не влиять на ту самую «ведомственную прописку». Ведь живуче у нас представление, будто «популярность писателя обратно пропорциональна его близости к искусству»¹.

У книги четкая структура. Три главы, каждая из которых делится на четыре параграфа, что своей совокупностью претендуют на постижение самобытности литературного явления, обозначенного придуманным именем Б. Акунина. Прежде всего демонстрируются разные амплуа, в каких присутствует в литературном и — шире — общественном сознании филолог Г. Чхартишвили. Представляя разные его роли (беллетрист — писатель — блогер), авторы преувеличивают, на мой взгляд, новизну подобной вариативности. Впрочем, это не мешает видеть в герое книги «знаковый пример расширения реестра креативных ролей» (с. 9), который «органично вписывается в контекст нового дискурса», поименованного модным термином «скрипторика» (с. 10). А вот страницы про масочную природу осмысляемой в книге литературной индивидуальности уже наводят резкость на разговор. И хотя криптологические кривотолки, спровоцированные не известным поначалу книжному рынку именем, если кого-то и занимали, то лишь в пору первых публикаций, этим именем подписанных, сама разноименность текстопроизводительных усилий сей пишущей личности принципиально значима.

Первоначальное представление, согласно которому акунинским именем помечаются тексты беллетристические, а паспортная фамилия сохраняется для сочинений, претендующих на принадлежность к литературе, логикой самой монографии, следующей за логикой деятельности ее героя, корректируется, что находит выражение в более диалектическом выводе: «Внешне играя по выверенным правилам масскульта, *game*, то есть играя по чужим правилам, которым сопутствуют понятия соревновательный, спортивный, ус-

¹ См.: Газданов Г. Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане // Газданов Г. Собр. соч. в 5 тт. Т. 1: Романы. Рассказы. Критика. М.: Эллис Лак, 2009. С. 706.

пешный, Б. Акунин постоянно уходит в поле игры по своим законам, *play*, то есть играет уже по правилам, которые сопрягаются с иными понятиями— художественный, театральный, талантливый» (с. 163). Сентенция, соглашусь, резонная, хотя и она нуждается в уточнении. Правила масскульта не были для Б. Акунина (в отличие от Г. Чхартишвили) чужими, но на этом, условно говоря, шашечном поле он расставил шахматные фигуры — и искусностью новой комбинаторики выиграл соревнование за читательский успех. Не стесняясь выглядеть массовой, проза про Фандорина и монахиню Пелагию обнаружила способность быть театральной, талантливой и в своем жанре художественной.

Ориентация на читательский успех оказалась не самоцелью, а следствием. Ведь здесь читателям была предложена «литературная игра интеллигентного человека»². Акунинские сочинения потому и оказались успешным продуктом книжной отрасли, что стали культурологическим феноменом. От страниц, помеченных этим именем, по выражению одного из рецензентов, «вкусно пахнет великой русской литературой»³.

И не только русской. Но, хотя своими ориентирами герой книги называет как Конан Дойля и Стивенсона, так и Булгакова с Алдановым, на титул классика тут нет замаха. Впрочем, робости перед пантеоном тоже нет. Показателен в этом плане эксперимент с реанимацией чеховской «Чайки», как раз и показавший разницу между человековедением и жанром. Загадка человека не сводима к ответу — кто убил и по какой причине. Персонажи акунинской пьесы оказались однофамильцами выведенных в чеховской драме. Но как при этом выдержаны каноны жанра!

Акунинские книги в издательстве «Захаров» составляли серию «Стильный детектив». Не без претенциозности, но разве такое определение столь же естественно выглядело бы на обложках историй про «любительницу частного сыска Дашу Васильеву» или милицейского аса Настю Каменскую? Названную серию могли пополнить разве что «путилинские сюжеты» от Л. Юзефовича. В монографии справедливо подчеркивается, что ее герой отстаивает достоинство частного существования. Но он отстаивает еще и достоинство жанра. Детектива как жанра литературной игры.

При этом игра, которую предлагает сей автор, позволяет ему выходить на проблематику серьезных вопросов. В советское время аннотации нечастых в ту пору отечественных детективов привыч-

² Яновская Г. Улыбнитесь, вылетит птичка: Кто застрелил Константина Трелева? <анкета> // Общая газета. 2000. 18–24 мая.

³ Вербиева А. Эллинизм детективного жанра: новые романы загадочно-го Б. Акунина // Ex libris. 1999. 15 апреля.

но предупреждали: «Детективный сюжет не мешает писателю ставить серьезные вопросы современности...» Так вот, Б. Акунину детективные коллизии помогают выходить на разговор о вещах совсем не игровых. То, что могло показаться жанровым эскапизмом, побегом в криминальные разборки былых времен от насущных проблем дня текущего, обернулось своей противоположностью. Акунинский Эраст Петрович Фандорин, профессионал высшего класса, человек внутренней и внешней культуры, убежденный патриот, последовательный, при всей его япономании, в защите национальных интересов России, потому и стал объектом притяжения читательского внимания, что в безгеройное время явил пример жизненного поведения. Причем школа этики предстала тут и школой истории.

Более половины монографии как раз и отдано анализу акунинской историософии. И в фандоринском цикле, и в провинциальной трилогии о «Приключениях сестры Пелагии» автор остается историком тайным, выходящим на разговор о государственном устройстве нашего Отечества и о российской ментальности исподволь — благодаря детективным перипетиям. А напрямую проблемные узлы, связующие национальное и цивилизационное, столичное и провинциальное, эволюционное и непредсказуемое, окажутся в центре внимания Б. Акунина, когда он, не оставляя беллетристику, обратится к написанию многокнижной «Истории Российского государства». Конечно, ироничную строчку из его блога «Новый Карамзин явился!» не стоит трактовать буквально — и остепененным историкам он не коллега и не конкурент. Однако и рассматривать еще один издательский проект Б. Акунина в русле «фолк-истории», то есть исторической разновидности масс-культуры, в ряду с В. Пикулем, Э. Радзинским, а то и А. Бушковым, тоже, как убеждает отдельный параграф третьей главы, неверно.

Писатель стал выступать в роли летописца подобно тому, как монашенка-черница по его воле выступила удачливой подражательницей патеру Брауну. Проект разворачивает отечественное прошлое по Акунину, когда исторический нарратив произведен не от усердия компилятора и не от тяги к сенсационности, а от открыто субъективного желания понять, почему Россия стала такой, какой она остается и ныне. Авторы ссылаются среди прочего (а цитат в их труде на каждой странице — не по одной) на признание своего героя: «Я пишу для людей, плохо знающих историю и желающих в ней разобраться. Я и сам такой же» (с. 121). Культуртрегер и популяризатор, Б. Акунин, как формулируют аналитики его деятельности (поддамся избыточному цитированию и я), «создает в XXI веке, возможно, первый “авторский учебник истории”, альтернативный государственному проекту, предлагая историю русского государства с точки зрения новой рубежной эпохи» (с. 122).

В условиях кризиса литературоцентризма Б. Акунин продемонстрировал, как можно противостоять охлаждению социума к книге. Филологам не впервой приходится личным усердием реагировать на дефицит того, что они осознавали как литературоведы. Да, в его книгах нет стилистического щегольства, хотя в параграфе «Языковой балаган» показано, сколь искусен их автор в стилизации, интертекстуальности, игре с иноязычной лексикой. Да, его тексты не щедры на пластическую изобразительность, но сколько в них сюжетной изобретательности. Да, роман «Аристономия», на титул которого вынесена и подлинная фамилия создателя, не стал творческой удачей, поскольку соавторам — Б. Акунину с Г. Чхартишвили (так!) — не удалось найти общий язык, что сказалось на целостности текста, зато как органичен пишущий в каждой из опробованных им разновидностей детективного жанра.

На одной из страниц монографии зашла речь о «героях-цивилизаторах», а в другом месте в порядке сопоставления был упомянут дон Румата. И тут подумалось, что автор(ы) «Аристономии», книг о Фандорине и Пелагии, а также «Истории Российского государства» во многом схож(и) с «двойной звездой» братьев Стругацких. В обоих случаях — безусловный и продолжительный читательский успех (причем не только у рядовой публики, но и среди подготовленной) и крайне прохладное отношение высоколобых зоилов. И тут, и там — отстаивание в острой фабульной форме гуманистических идеалов на материале, далеком от современности, и чуть ли не публицистическая заразительность восприятия этого иномирия. И тут, и там — социальные коллизии, в которых люди порядочные, думающие, деятельные, способные понять другого противостоят наделенным властью дуракам, невежественным фанатикам, циникам. В том и другом случаях — апология разума, здравого смысла, профессионализма и интернационализма. Наконец, в обоих авторских дуэтах наличествовал переводчик с японского.

О Стругацких написано уже изрядно. Теперь вот вышла книга и про Б. Акунина. Жаль только, что содержательный, хотя и небрежно вычитанный, этот труд заключен в легкомысленную оболочку. Создается впечатление, будто корректор смотрел верстку по диагонали, а дизайнер прочел в рукописи одну только фразу ее героя о том, что он рулетке предпочитает покер. Меж тем акунинские игры — совсем иные. Куда более серьезные.

Леонид БЫКОВ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина